

Check for updates

Семиотика культуры

УДК 30 (304.2)

EDN PAIFAS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16>

Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ)

А. Я. Кожурин^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Кожурин, А. Я. (2023) Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 5–16. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16> EDN PAIFAS

Получена 28 марта 2023; прошла рецензирование 7 апреля 2023; принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. Я. Кожурин (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье анализируется проблематика «крови» в истории человеческого общества, в процессе его цивилизационного развития. Показывается символическая роль крови в утверждении социального порядка на различных этапах социально-культурного развития. Автор статьи использует для этих целей разнообразный материал — от первобытнообщинного строя до современности. Он, в частности, обращается к обычаю кровной мести. Особое внимание уделено борьбе с данным обычаем в рамках европейской цивилизации — в плане культурно-цивилизационных процессов, происходивших в этом регионе. Автор статьи обращается к материалу древнегреческой истории (утверждение примата закона в рамках полиса), а также к средневековому Западу. В представленной статье рассматривается тема крови в различных религиозных и социальных ритуалах (инициации, свадебные обряды и т. д.). Выделяются основные этапы символического понимания крови в истории (кровь как носитель души, т. н. «общества кровавости», расовая теория). Автор данной статьи исследует символическое значение крови в карательных практиках европейских стран средневековья и эпохи абсолютизма. Особо анализируется переход от «обществ кровавости» (М. Фуко) к современному западному обществу. Показывается закономерность кровавого террора Великой французской революции в этом процессе. В представленной статье уделено внимание и «мифам крови» XIX–XX веков, связанных с идеологией расизма. Данная идеология, пусть и в превращенной форме, продолжает играть свою роль и в современном мире. Речь, в первую очередь, идет о претензиях представителей англо-саксонского мира на собственную «исключительность». Таким образом, рассматриваемая в статье проблематика обнаруживает свою актуальность.

Ключевые слова: кровь, символ, кровная месть, социальный порядок, ритуал, наказание

Blood and order: Symbolic functions of blood in the history of human communities

A. Ya. Kozhurin ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Kozhurin, A. Ya. (2023) Blood and order: Symbolic functions of blood in the history of human communities. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 5–16. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16> EDN PAIFAS

Received 28 March 2023; reviewed 7 April 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. Ya. Kozhurin (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article analyzes issues related to the concept “blood” and its transformation throughout the history of human society, i. e., its civilizational development. The article shows the symbolic role of blood in the establishment of social order at various stages of socio-cultural development. The evidence is diverse and spans the time period from the primitive communal system to the present. In particular, the article discusses the custom of blood feud. A special attention is given to how this custom was counteracted by the European civilization through cultural and civilizational processes. The evidence is also taken from ancient Greek history (the assertion of the supremacy of law within the polis) and the medieval West. The article discusses references to the concept “blood” in various religious and social rituals (initiations, wedding rituals, etc.) and highlights the main stages of the symbolic understanding of blood in history (blood as a carrier of the soul, the so-called “society of blood”, racial theory). The article explores the symbolic meaning of blood in punitive practices of the European Middle Ages and the era of absolutism. In particular, it focuses on the transition from the “society of blood” (M. Foucault) to modern Western society. The regularity of the bloody terror of the Great French Revolution in this process is shown. The article also refers to the “blood myths” of the 19th-20th centuries associated with the ideology of racism. This ideology, albeit in a transformed form, continues to play its role in the modern world. Primarily, this is related to Anglo-Saxon claims about their “exclusivity”. This makes the discussion raised in the paper relevant.

Keywords: blood, symbol, blood feud, social order, ritual, punishment

*Кровь, надо знать, совсем особый сок
И.-В. Гете. «Фауст» (Пер. Б. А. Пастернака)*

Введение

Для начала дадим рабочее определение, которое мы без труда найдем в изданиях энциклопедического толка: «Кровь — жидкость, циркулирующая в кровеносной системе животных и человека» (Кровь 1987, 657). Итак, перед нами жидкость, но медико-биологическое определение далеко не исчерпывает интересующую нас реальность, ибо кровь — жидкость особого рода, обладающая символическими функциями. Недаром в ритуалах и мифах большинства народов она сакрализуется. Кроме того, необходимо иметь в виду различные «практики крови», которые мы наблюдаем на всех этапах развития человечества — от первобытного общества до современности.

Вспомним, например, архаическую концепцию, рассматривавшую кровь в качестве носителя жизни илиместилища души. Кровь появляется в момент рождения и, как правило, в момент смерти. Человеку казалось, что она наделена могущественной силой, ее использо-

вали во многих магических ритуалах, при общении с богами и мертвыми. Можно даже утверждать, что древнейшие мифы — мифы крови. Данные аспекты мы, например, обнаруживаем в гомеровской «Одиссее». Речь идет о сцене посещения главным героем загробного царства, где он пытается узнать у душ умерших свою судьбу. В Аиде Одиссей сталкивается с душами, разлучившимися после смерти с телами, которые «бездумными тенями веют» (Одиссея 2000, 118). Можно сказать, что на том свете они влачат самое жалкое существование. Чтобы вернуть этим душам память и способность мыслить, их необходимо напитать кровью. Для этой цели главный герой совершает обряд жертвоприношения. Когда «черная кровь» жертвенных животных полилась, то души усопших, «вылетев вместе бесчисленным роем из ямы, подняли крик несказанный» (Одиссея 2000, 122).

Особое восприятие крови характерно и для Ветхого завета, хотя иудейский и древнегреческий подходы к ней можно трактовать как отличные друг от друга — даже диаметрально противоположные. Весьма показательный отрывок мы обнаруживаем в одной из книг Ветхого Завета, где Иегова обращается к Моисею

со следующими словами: «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращаю лицо Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее, потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает; потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землю, ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Библия... 1992, Лев. 17: 10–14). Во «Второзаконии» данный запрет повторяется: запрещается есть кровь, ибо она вместилище души. Только одна ситуация допускала прикосновение древнего иудея к крови — жертвоприношение и данное обстоятельство специально оговаривается в соответствующих местах Библии.

Кровь в архаических обществах — обычай кровной мести и попытки его преодоления

Теперь обратимся к тому, как тема крови решалась во взаимоотношениях между людьми. С точки зрения «права» архаическая мифология крови наиболее ярко проявляется в обычае кровной мести, который в ряде регионов мира не искоренен и по сей день. В этой системе ценностных установок кровь представляется непрерывно текущей в жилах людей, связанных единством происхождения, а рана на теле рода должна быть симметрично отражена на враждебной коллективной телесности. Причем принцип индивидуальной ответственности перевешивается принципом «общей крови». Не обязательно покарать самого обидчика — объектом наказания может стать любой мужчина его рода. Также показательно, что обычаи многих народов устанавливали такой порядок, по которому наследник убитого не мог вступить в свои права, не отомстив убийце и его сородичам.

В свете вышесказанного необходимо помнить, что в истории европейского человечества установление правовых норм, как правило, начиналось с искоренения обычая кровной мести. Стремление сберечь драгоценную кровь соотечественников, поставить препоны варварским обычаям предков становится основой новой формы организации социума. Подобную ситуацию мы наблюдаем, например, в Древней

Греции. Вот что писал по этому поводу Ж.-П. Вернан: «Первые признаки нового образа мышления проявляются в решении некоторых правовых вопросов. Так убийство больше не квалифицируется как частное дело, простое сведение счетов между родами; кровная месть, ранее обязательная для родственников убитого и приводящая к фатальной цепочке убийств, заменяется контролируемым наказанием; мера наказания определяется уполномоченными полисом лицами, а также общественностью» (Вернан 1988, 95–96).

С подобной же практикой мы сталкиваемся и в средневековой Европе. Вендетта была уделом тех регионов (преимущественно труднодоступных — Корсика, Сардиния, горные районы Италии и некоторые другие территории) куда не проникло феодальное правосудие. Обычай кровной мести продолжает существовать и в современном мире — в исламских странах, например. Любопытно, что крушение коммунистической системы способствовало его воскрешению в Албании, где сегодня тысячи подростков находятся под угрозой смерти из-за деяний, совершенных их родственниками.

Естественно, что преодолеть кровную месть пытались и народы, не имевшие развитого государственно-правового аппарата. У южных славян, вплоть до XX века, действенной формой отказа от указанного способа «правосудия» был обычай побратимства. Этот обычай можно рассматривать в качестве одного из наиболее распространенных у различных народов способов скрепления данного слова. Показательно, что и здесь не обходилось без использования крови. Вот как описывал его немецкий автор Г. А. Штрак, опирающийся на соответствующие этнографические исследования: «Представители враждующих родов иглой вскрывают себе артерию на правой руке, высасывают друг у друга кровь, обмениваются поцелуями и клянутся друг другу в неизменной верности до гроба» (Кровь в верованиях и суевериях человечества 1995, 40).

Кровь и практики инициации

В интересующем нас аспекте особое восприятие крови проявлялось и в обрядах инициации, которые можно интерпретировать в качестве конституирующих для архаических обществ. Они были характерны для всех народов мира на определенной стадии развития. Впрочем, в превращенных формах инициативные практики характерны и для современного мира — особенно для всякого рода дисциплинарных пространств (вроде армии или тюрьмы). Можно

выделить две основные формы данных обрядов в рамках социальных структур архаического общества — для мужчин и для женщин. В обоих случаях они знаменовали переход на стадию зрелости и имели ярко выраженный кровавый аспект. В этой связи было бы любопытно рассмотреть те различия, которые можно наблюдать в инициативных обрядах для юношей и девушек, а затем выделить общие моменты.

Возрастные инициации представляли собой систему обрядов, знаменующих переход юноши из ранга подростка в ранг взрослого мужчины. Взрослым мужчиной мог считаться лишь человек, прошедший через серию испытаний, большинство из которых носило весьма изощренный и даже мучительный характер. Среди данных испытаний мы встречаем лишение пищи и сна, бичевание и избиение палками, вырывание зубов и волос, кровопускание и обрезание, испытание огнем и подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело. Таким образом, можно увидеть, что практически все испытания сопровождалось кровопусканием, а сами инициации оказывались своеобразной квинтэссенцией «практик крови».

Следует признать правоту тех исследователей, которые считают, что во время этих испытаний юношам сообщали нормы поведения, существующие в коллективе. Мучительными испытаниями взрослые мужчины стремились добиться от молодых беспрекословного соблюдения данных норм в течение всей их последующей жизни. Представители первобытного коллектива, не прошедшие через обряд инициации считались мальчиками, причем независимо от возраста. Им было строжайше воспрещено вступать в брачные отношения, а нарушение этого запрета в большинстве случаев каралось смертью или изгнанием из племени. Последнее наказание в условиях архаического порядка было практически равносильно смерти.

Другой важнейший аспект инициаций связан со спецификой восприятия «своих» и «чужих», характеризующей архаическое общество. Для представителей первобытного коллектива «чужой» — это враг, от которого следует ждать всевозможных подвохов и даже прямой агрессивности. Ставкой в отношениях с «чужими» становится жизнь и, следовательно, не зазорно применить к ним любое насилие — вплоть до убийства. По отношению к «своим» необходимо было соблюдать иные правила, которые, пусть и с огромным трудом, устанавливались во всех более или менее стабильных обществах. Одной из задач инициаций и было ознакомление с этими правилами юношей. Можно сказать,

что прошедшие обряды инициации узнали правила поведения в отношении «своих», они доказали «чистоту крови», причастность собственному племени. Молодые люди, не выдержавшие испытаний, своей причастности не доказали, на них нельзя рассчитывать в критических ситуациях. Они представляют опасность для соплеменников, а потому не могут быть признаны в качестве полноправных членов коллектива.

Естественно, что в архаическом обществе существовали обряды, знаменовавшие переход девушек в ранг взрослых женщин. Иногда они носили мучительный характер, напоминая те испытания, которым подвергались юноши: некоторые австралийские племена, например, практиковали выбивание зубов девушкам во время инициации. В большинстве случаев, однако, женские инициации носили более мягкий характер, чем аналогичные мужские обряды. Как правило, над девушкой, достигавшей брачного возраста, совершалась операция дефлорации. Племена, стоявшие на низших стадиях развития, поручали проведение данной церемонии женщинам. В одних случаях матери публично дефлорировали своих дочерей при помощи искусственного фаллоса, в других данная процедура совершалась старейшими женщинами.

В патриархальных обществах процедура дефлорации была прерогативой мужчин, причем формы данного обряда эволюционировали в зависимости от уровня развития социума. Так на ранних стадиях функционирования патриархального общества дефлорации носили коллективный характер и приурочивались к большим праздникам. Например, у австралийских аборигенов девушкой, после того как ее ритуально лишали невинности, овладевала группа мужчин. М. Элиаде комментировал данную ситуацию следующим образом: «Искусственная дефлорация, а также церемониальное групповое сношение с молодой девушкой — вероятнее всего, искажения ритуала и ритуалы, изобретенные мужчинами и навязанные женщинам на определенной стадии растущей власти мужчин» (Элиаде 1998, 189).

Одной из форм данного ритуала был так называемый насамонийский обычай: после свадьбы присутствовавшие на ней мужчины овладевали невестой, а жених получал доступ к ней последним. Данный обычай был распространен среди древних жителей Киренаики (именно здесь жили насамоны — одно из ливийских племен, описанных Геродотом в четвертой книге его знаменитой «Истории») и Балеарских островов, полинезийцев и индейцев, а также у ряда африканских народов. Можно утверждать,

что кровь, пролитая при женских инициациях, цементировала новые социальные порядки — патриархальные, закладывала основы будущего цивилизованного мира.

В дальнейшем в роли дефлоратора, как правило, выступали специально уполномоченные представители социума — колдун, жрец, вождь племени. Развитием данной практики было пресловутое «право первой ночи», получившее развитие в различных частях света. Данный обычай существовал на протяжении тысячелетий у народов, которые не общались, да и не могли общаться друг с другом. В ницшевской «Генеалогии морали» (1887) обнаруживаем следующий пассаж, посвященный этому обычаю: «Все хорошие вещи были некогда дурными вещами; из каждого первородного греха вышла какая-то первородная добродетель. Брак, например, долгое время выглядел прегрешением против права общины; некогда платили штраф за столь нескромную потребность присвоить себе женщину (сюда относится, например, *jus primae noctis*, еще и поныне остающееся в Камбодже привилегией жрецов, этих блюстителей “старых добрых нравов”» (Ницше 1990, 485–486).

Интересующий нас обычай рассматривался и как своеобразный способ улучшения породы, «облагораживания» крови. Как указывают современные медиевисты, в европейском средневековье некоторым владетельным графам или герцогам приходилось осуществлять до ста дефлораций в год — расслабляться им было некогда. Впрочем, в некоторых случаях они могли передоверить это право своим сыновьям или вассалам. Этого нельзя сказать об ответственных за дефлорацию в архаических обществах (жрец, колдун, вождь племени и т. д.). Если он оказывался импотентом, то это немедленно становилось известным его соплеменникам и ставило под сомнение не только его власть, но, как правило, и жизнь.

В эпоху феодализма «право первой ночи» получило и юридическое оформление, выступая в качестве одной из форм налогообложения. Его можно было выкупить за определенную плату — деньгами или натуральными продуктами. Я. Гримм приводит характерный документ, фиксирующий действие данного права в Германии эпохи господства феодальных отношений: «Но что касается дворовых людей, то тот из них, кто хочет жениться, должен пригласить управляющего и его жену и управляющий должен ссудить жениху котел, чтобы он мог сварить барана, а также управляющий должен привести на свадьбу воз дров, затем управляющий и его жена должны принести четверть свиного жар-

кого, и когда свадьба кончится, то жених должен предоставить управляющему провести с женой первую ночь или должен откупиться шестью шиллингами и четырьмя пфеннигами» (Бebel 1959, 108).

В странах Западной Европы право первой ночи отменялось по мере отмирания феодальных отношений, хотя и здесь были свои нюансы. Так в Арагоне оно было ликвидировано Фердинандом Католиком в 1486 году, а, например, в Наварре данное право было подкреплено королевским указом в начале XVII века. Причем правителем, издавшим этот указ, был знаменитый Генрих IV, которому либеральная историография еще со времен Вольтера пела осанну как выдающемуся реформатору, стремившемуся облегчить жизнь своих подданных. Сам знаменитый король был известнейшим любителем противоположного пола и количество соблазненных, а то и просто изнасилованных им женщин не поддается учету. Впрочем, в Наварре еще со времен средневековья установилось правило, что первенцы от брака, где было использовано право первой ночи, считались свободными.

Отметим специфику в отношении незаконных детей дворянства и третьего сословия, которая характерна для западноевропейского средневековья. Среди дворян и королевских домов не было принято отказываться от своих побочных детей. Наоборот, для мужчин из знатных родов наличие таких детей было поводом для гордости, главным здесь было признание того обстоятельства, что в их жилах течет «благородная кровь». Знаменитого французского военачальника Столетней войны Дюнуа современники называли «монсеньор бастард», сам он подписывался — «Бастард Орлеанский». Существовали и другие лица, именовавшиеся подобным образом. На побочных детей дворянства распространялось покровительство феодальных порядков. Этим знать отличалась от простолюдинов, которые относились к незаконным детям скорее отрицательно. Можно заметить, что при сравнении данных подходов мы сталкиваемся с противопоставлением «благородной» и «неблагородной» крови, лежащим в основе феодального устройства.

Кровь в других ритуалах

Продолжим изучение роли «крови» в структурировании социальных порядков архаичных обществ. Одним из наиболее распространенных посвященных обычаев, связанных с кровью, было обрезание. Данный обряд был распростра-

нен у многих народов Ближнего Востока и Африки, Центральной и Южной Америки, а также Австралии и Полинезии. В большинстве случаев обрезание — своеобразная резьба по человеческому телу, обозначало возраст вступления в зрелость, торжество мужественности и удаление ненужных кожных складок, которые могли казаться представителям сильной половины человечества чересчур женственными. Орудиями для совершения обрезания служили бритва или нож, а на ранних этапах развития человечества для данной цели использовали заостренную и обожженную на костре палку.

Особое значение имело обрезание для евреев. В иудаизме оно выступает знаменем завета Бога с Авраамом. Несоблюдение данного завета должно было вызвать катастрофические последствия для еврейского народа. Интересно, что в эпоху эллинизма, когда в Иерусалиме и других палестинских городах появились греческие школы и стадионы, то некоторые из иудейских юношей, чтобы меньше отличаться от своих эллинских ровесников, подвергали себя специальной операции, с целью замаскировать следы обрезания. Операция носила достаточно мучительный характер и, естественно, вызывала негодование среди представителей иудейской ортодоксии.

Операции, напоминающей обрезание, подвергались и женщины многих племен. Так, согласно выдающемуся географу Страбону, дело обстоит в Египте I в. до н. э. В современном мире этот обычай распространен у ряда народов, исповедующих ислам (в первую очередь, североафриканских). Суть интересующей нас процедуры заключается в полном удалении клитора и малых половых губ. Смыслом этой операции было лишить женщину органов, наиболее чувствительных к сексуальной стимуляции. Половая близость для женщины оказывается достаточно болезненной, а тем самым устраняется физиологическая основа для беспорядочных половых связей, измен с ее стороны. Можно сказать, что подобная операция призвана предотвратить адюльтер и, тем самым, гарантировать «чистоту крови», появление на свет только законных наследников.

Обращаясь к более близкой нам реальности, выделим восточнославянские представления о крови, получившие яркое воплощение в свадебных обрядах. Речь идет о мифологических воззрениях, неразрывно связывавших дефлорационную кровь с плодородием скота и пашен. Вот как эти представления описывал крупнейший русский этнограф первой половины XX века Д. К. Зеленин: «По народным представлениям,

кровь, пролившаяся при дефлорации новобрачной, благотворно влияет на размножение скота. Поэтому русские нередко стелят брачную постель в овечьем хлеву. У белорусов Сурожского уезда Черниговской губ. записана следующая песня, которую поют в том случае, если окажется, что новобрачная не девственница: «Не чуйця вы кони, // Не чуйця и коровы, // Не чуй наша пашня, // Што к нам курва пришла!» Здесь мы находим отчетливое доказательство того, что нецеломудрие новобрачной плохо влияет на скот и даже на посевы. У украинцев почти повсеместно существует такое представление: если новобрачная скрыла, что она не девственница, в доме падет лошадь или вол» (Зеленин 1991, 336–337).

Дефлорационная кровь может быть рассмотрена как своеобразное жертвоприношение, а жертвоприношения всякого рода играют важнейшую роль в жизни традиционных обществ. Кровопролитие, причем далеко не всегда безобидные, в этих случаях предполагается по определению. Так в качестве жертв использовались преступники, рабы и пленные, а также невинные люди, в том числе и дети, чья кровь считалась особенно любезной богам. Отсюда происходил обычай принесения первенца в жертву тому богу, сыном которого он считался, — вспомним религиозную обязанность девушки отдаться в храме жрецу или чужестранцу, которые выступали в качестве заместителя божества (практика, чрезвычайно распространенная в древности, особенно на Востоке). Юная и «чистая» кровь должна была поддерживать истощающуюся мощь бога (собственного отца), жертвующего собой для поддержания мира и его изобилия. Таким образом, на ранних стадиях развития смертная казнь (= жертвоприношению) имеет характер искупления, очищения и умилоствления божеств.

Кровь и карательные практики («общества кровавости»)

Следующий этап взаимоотношений «крови» и социального порядка наступает тогда, когда светская власть стремится придать смертной казни и наказаниям характер устрашения. Наиболее ярко данный аспект выявляется в эпоху позднего средневековья. Первое, что видел путешественник, въезжая в европейский город того времени, — виселицы с дотлевающими телами повешенных или эшафот с водруженными на нем отрубленными головами, руками, ногами. Специальные таблички указывали имена преступников и их деяния. Публичные пытки

и казни становятся излюбленным зрелищем европейцев. Эта ритуальная жестокость была тем способом, которым власть приучала подданных уважать право, создавала своеобразную юридическую «память» (Ф. Ницше).

Развитие данной установки мы обнаруживаем в политико-юридической практике абсолютистских государств. Абсолютизм, как известно, утверждается на Западе в XVI–XVIII веках. Данная форма правления делает важнейшей прерогативой суверена право «на жизнь и на смерть», то есть пролитие или не пролитие крови. В этом смысле ритуал казни, по мнению М. Фуко, высказанному в работах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (Фуко 1999) и «Воля к знанию» (Фуко 1996), оказывается более надежным способом легитимизации власти, чем даже обряд коронации. Но если мы вернемся к эпохе западного средневековья, то таким сувереном, обладавшим правом на тело и жизнь подданных, а следовательно, и на их кровь, выступал любой сколько-нибудь значимый феодал.

Средневековый сеньор имел в своих владениях виселицу, причем число столбов и крючков выражало степень, которую ее хозяин занимал в феодальной иерархии. Герцог мог выстроить виселицу с шестью столбами, барон — с четырьмя, шателен — с тремя, а простой сеньор — с двумя. Казни были многочисленны и совершались с необычайной легкостью. В еще большем распространении были многообразные пытки. Уже греческое право, не говоря о римлянах, совокупило пытку и признание. Так, по крайней мере, обстояло дело в отношении рабов. Считалось, что они способны свидетельствовать истину лишь после мер физического воздействия. Средневековье и новоевропейская эпоха, особенно на ее ранней стадии, наследуют данную традицию. Признание выколачивается из души или вырывается из тела — перед нами, используя формулу М. Фуко, взаимная обратимость исповеди и пытки.

В интересующий нас исторический период совершение человеком какого-нибудь проступка связывалось подчас с наличием у него «дурной крови», то есть крови, испорченной различными болезнями, колдовством или дьявольскими кознями. Важную роль в восприятии средневековых людей играла наследственность, которая учитывалась при проведении следствия и вынесении приговора. В особенности подобные аспекты интересовали дознавателей по делам, связанным с ведовством или оборотничеством. Если в роду предполагаемого преступника обнаруживались лица, осужденные по аналогичным процессам («нечистая кровь»), то данное обстоятельство

служило, как правило, весомой уликой против него. Естественно, что правосудие того времени стремилось радикально решить проблему, так что преступники такого рода истреблялись целыми семьями.

В этой связи необходимо отметить важнейший момент архаических представлений, сохранившихся и рамках средневекового миропорядка, — признание коллективной ответственности, когда за проступки главы семейства наказание несли его чада и домочадцы. Вот, например, случай из позднесредневековой эпохи. Людовик XI расправился с сыновьями графа д'Арманьяка (12 и 14 лет, соответственно) следующим образом: они были помещены в карцер («рожок»), в котором было невозможно лежать и даже сидеть, а лишь разместиться на корточках над собственными нечистотами. Раз в неделю их поднимали из «рожка» и избивали до крови, а потом опускали обратно. Раз в три месяца традиционное избивание сопровождалось вырыванием одного зуба, — разумеется, без наркоза и с помощью инструментов того времени. Старший из братьев, в итоге, сошел с ума, а младшему удалось вырваться оттуда лишь после смерти короля. Не трудно представить себе его состояние после перенесенных страданий.

Способы совершения казни теперь должны наводить ужас на зрителей, отбивать охоту у потенциальных преступников к нарушению законов. Отсюда стремление сделать зрелище казни и наказания массовым, обставить их всевозможными церемониями, придать им характер своеобразного нравоучения. В этой системе координат кровь, таким образом, приобрела ярко выраженную педагогическую функцию. Часто наказание носило симметричный или символический характер: поджигателей сжигали на костре; в тело насильника вбивался кол, причем первые три удара наносила его жертва; фальшивомонетчикам заливали в горло расплавленный металл; богохульникам протыкали язык. Нередко соединяли несколько видов казни вместе: подвергали осужденного ординарной и экстраординарной пытке, отрубали одну или обе руки, вырезали язык и рвали тело раскаленными щипцами, вырывали внутренности и т. д.

В европейском средневековье зрелище наказания было важной составной частью духовной пищи народа. Можно назвать данное зрелище спектаклем со своеобразной моралью. Особое значение оно получало, если наказанию подвергалось лицо, принадлежащее к привилегированным сословиям. Вот как комментировал это обстоятельство Й. Хейзинга: «Нередко,

осужденные были важными господами, и тогда народ получал еще более живое удовлетворение от свершения неумолимого правосудия и еще более жестокий урок бренности земного величия, нежели то могло сделать какое-либо живописное изображение Пляски смерти. Власти старались не упустить для достижения эффекта всего спектакля: знаки высокого достоинства осужденных сопровождали их во время этого скорбного шествия» (Хейзинга 1988, 9).

Таким образом, народ отстаивал свое право наблюдать казнь и видеть того, кого казнят, — особенно если речь шла о представителях высших сословий. Следует заметить, впрочем, что сами власти в преддверии и во время проведения экзекуций отводили толпе важную роль: народ призван был оказывать содействие суверену, мстить его врагам. Весьма часто обреченные на наказание подвергались насмешкам и оскорблениям со стороны толпы. Причем властями данное поведение не только не запрещалось, но и поощрялось. Здесь, впрочем, были свои правила. Французский ордонанс 1347 года указывал, что в глаза преступника, осужденного за богохульство, можно бросать грязь и всякого рода нечистоты и запрещал метание тяжелых предметов, которые могли бы ранить или убить осужденного, избавив его тем самым от наказания, согласно судебному приговору. Тем самым четко обозначался суверенитет монарха в деле наказания преступника.

Как мы уже заметили выше, в случае наиболее опасных преступлений соединяли несколько видов казни вместе. Так, когда в 1757 году Дамьен совершил покушение на жизнь Людовика XV, следователи и судьи обратились ко всем судам Франции с просьбой сообщить, какие они употребляют способы пыток и казней. Подобным образом они желали узнать наиболее жестокие из видов наказания, чтобы примерно наказать злоумышленника. В последнем случае речь шла о самом страшном преступлении — цареубийстве, а потому наказание ему должно было представлять сумму всех возможных пыток — по крайней мере, в идеале.

Сохранилось любопытное описание казни Дамьена, принадлежащее перу Д. Казановы. Оно весьма точно передает саму атмосферу рассматриваемой нами эпохи. Знаменитый авантюрист, наблюдавший казнь в обществе парижских дам, писал: «Нам достало упорства битых четыре часа наблюдать сей страшный спектакль. <...> Во время казни Дамьена принужден я был отвести глаза, услышав, как он возопил, лишившись половины тела, но Ламбертини и г-жа ХХХ отворачиваться не стали; но не жестокосердие

было тому причиной. Они объявили, а я сделал вид, что поверил, будто они не питали ни малейшей жалости к сему исчадию, насколько они любили Людовика XV» (Казанова 1990, 376–377).

Кстати, по воспоминаниям большинства современников, женщины взирали на казнь Дамьена с большим спокойствием, чем мужчины. Интересная деталь — в начале XIX века, чтобы довести внучек этих дам до обморочного состояния, достаточно было рассказа о вещах куда менее жестоких. Таким образом, всего лишь за пятьдесят лет европейская ментальность испытала столь серьезную метаморфозу, что ее последствия не могли не сказаться на радикальном изменении системы наказаний. Впрочем, справедливости ради, отметим, что публичные казни продолжались во Франции и весь XIX век, и значительную часть следующего столетия.

Правда, воспитательное значение публичной казни могло получить и прямо противоположное направление. Очень часто самый опасный и ненавистный преступник, достойно ведший себя на эшафоте, превращался в объект восхищения зрителей, которые до этого были готовы растерзать его собственными руками. Можно вспомнить дона Родриго Кальдерона, который, будучи одним из ближайших приближенных Филиппа III, снискал всеобщую ненависть испанцев и под давлением общественного мнения был приговорен к смерти. Опальный министр вошел на эшафот с высоко поднятой головой и изящно скинул капюшон — несомненное свидетельство благородной породы («крови»). Красивый жест превратил его в объект поклонения всей Испании — вещи казненного оказались предметом почитания, наравне с мощами святых, за обладание ими вспыхивала настоящая борьба.

Сказанное о смертной казни можно повторить и в связи с пыткой. Ее можно уподобить своеобразной игре, которую с обвиняемым ведет следователь, ведущий дознание. Данная игра, впрочем, содержит весьма строгие правила, причем на кон здесь ставит не только предполагаемый преступник, но и дознаватель. Если подследственный выдержит пытку, то судья должен отказаться от обвинения — без процедуры признания машина дознания оказывается работающей вхолостую. Данный механизм имел серьезные последствия и далеко за пределами этой эпохи. Именно на процедуры инквизиционного дознания, по мнению М. Фуко, ориентируется зарождающееся в этот период естествознание (Фуко 1999, 331)¹.

¹ Подробнее см. (Арефьев и др. 2018, 153–182).

Подытоживая все сказанное о системе наказаний в европейском обществе эпохи феодализма и сменившего его абсолютизма, необходимо заметить, что пытки и казни выполняли, по сути дела, роль социальной скрепы, носили ярко выраженный воспитательный характер. Перед нами своеобразная педагогика устрашения, направленная не только и даже не столько на осужденного, но на зрителей, в первую очередь. В зрелище публичного наказания суммировались коллективный страх, ужас физического насилия (особенно в случае квалифицированной казни), которые запечатлевались в памяти присутствовавших, демонстрировали им тщету противодействия порядку, установленного сувереном.

Снова обратимся к М. Фуко, который в работе «Воля к знанию» писал: «В течение долгого времени кровь оставалась важным элементом механизмов власти, ее проявлений и ее ритуалов. Для общества, где преобладают системы супружества, политическая форма монархии, дифференциация на сословия и касты, ценность родословных, для общества, где голод, эпидемии и насилия делают смерть неминуемой, — для такого общества кровь представляет собой одну из важнейших ценностей; цена ее определяется ее инструментальной ролью (возможность пролить кровь), ее функционированием внутри порядка знаков (иметь определенную кровь, быть той же крови, согласиться рисковать своей кровью), а также ее непрочностью (легко проливается, способна иссыхать, слишком легко смешивается, быстро поддается порче)». Подводя итог, Фуко называет этот тип социального устройства обществом «кровавости», где в «почете война, где царит страх перед голодом, где торжествует смерть, самодержец с мечом, палач и казнь, где власть говорит через кровь...» (Фуко 1996, 253).

Кровь в процессе перехода к современному обществу на Западе

Переход от традиционного типа общества к современному на Западе сопровождался своеобразным всплеском «кровавости». Мы имеем в виду события Великой французской революции и феномен революционного террора. Несомненно, что их пиком стал судебный процесс Людовика XVI и последовавшая за ним казнь короля. Позволим себе привести выдержку из работы графа Ж. де Местра «Рассуждение о Франции» (1797). В ней знаменитый консерватор писал: «Любое посягательство на суверенитет, сотворенное от имени Нации, всегда есть в большей

или в меньшей степени национальное преступление, ибо всегда Нация в большей или в меньшей степени виновна в том, что некое число мятежников в состоянии совершить преступление от ее имени. <...> Каждая капля крови Людовика XVI обойдется Франции потоками крови. Четыре миллиона Французов, быть может, заплатят своей головой за великое народное преступление — за противорелигиозный и противообщественный мятеж, увенчавшийся цареубийством» (де Местр 1997, 24–25).

Если суммировать жертв якобинского террора, бойни в Вандее, а также убитых в революционных и наполеоновских войнах, то де Местр был не так уж далек от истины. Можно сказать — его пророчество сбылось почти что буквально. Для темы нашей работы показательна та ориентированность на кровь и кровавое воздаяние, которая обнаруживается в этой, да и в других работах выдающегося мыслителя. В своей концепции воздаяния де Местр исходил из того, что первородный грех обрек человека на двойственность полов, а прочие преступления ему суждено искупать кровью, ибо она — нечто среднее между духом и телом. Кровь есть сама жизнь — не даром для большинства религий она является основным средством для жертвоприношений. Таким образом, по мнению де Местра, кровь играла ни с чем несравнимую роль в процессе религиозного воспитания человечества.

Вернемся, однако, к казни короля. Показательно, что и контрреволюционные философы-традиционалисты (кроме Ж. де Местра — Луи де Бональд, Мэн де Биран и др.), и такой ниспровергатель всех устоев как де Сад говорят о ней примерно в одних категориях, — в обоих случаях речь идет о коллективной ответственности. Только для традиционалистов Людовик являлся мучеником, взявшим на себя грехи нации, а для «божественного маркиза» нация, совершившая данное деяние, погружается в состояние неискупимого греха, она связывается своеобразной круговой порукой. Де Сад мотивирует это тем, что убийство монарха сродни как убийству Бога, так и отцеубийству. Разумеется, что из этого события де Сад делает выводы, противоположные его консервативным современникам — необходимость установить республиканский образ правления.

В дальнейшей истории происходит своеобразная смена ориентиров и, по словам М. Фуко, «кровью» буржуазии становится ее секс. Генеалогическая забота дворянства превращается в озабоченность наследственностью буржуазии. При заключении брака одной из важнейших проблем, наряду с требованием социальной

гомогенности и поисками солидного наследства, становится стремление избежать появления неполноценного потомства. Расизм дворянства, подчиняющийся целям консервации (его символом и является забота о «чистоте крови»), сменяется расизмом буржуазии, который французским исследователем трактуется как динамичный (Фуко 1996, 230–231).

Тем не менее, полностью избавиться от наследия тысячелетий не так просто, если вообще возможно. Возникает новый способ отношения к крови, который, в отличие от предшествующих, базируется не на мифологических или религиозных основаниях, а на научных. Впрочем, сама наука в XIX столетии принимает черты квази-религии. В рамках данной установки развиваются такие влиятельные течения как дарвинизм, генетика, расизм и многие другие. «Кровь», пусть и под другими названиями, продолжает играть важную роль в сознании человека «цивилизованного мира».

Расизм как новый миф крови

Прошедший век был богат такими историческими событиями, которые своеобразно подчеркнули значение принципа крови. Роль этого принципа в наши дни также трудно недооценить. Апелляции к «крови» в мире подавляющего господства симулякров полны глубокого смысла. Быть может, это то единственно подлинное, что еще сохраняет свое значение для представителя цивилизованного общества. Более того, в условиях потери духовных корней, отказа от религиозного мировосприятия и великих идеологий, «кровь», по сути дела, и остается единственным действенным принципом объединения. К чему же еще апеллировать, когда другие реальности утратили свое сакральное значение? Разумеется — к крови, которая оказывается наиболее приемлемым, «естественным» принципом объединения. Отсюда — рост расистских, националистических настроений в современном мире.

В этой связи любопытна трактовка, которую «кровь» получает в идеологии немецкого национал-социализма. Идея чистоты «крови», со ссылками на научные концепции — в первую очередь, эволюционную теорию Дарвина, приобрела в рамках подобной установки фундаментальное значение. Более того, четко обозначается тенденция превращения «крови» в объект своеобразного культа. Соответственно, «нечистота крови», ее смешение — прямой путь к деградации, упадку и гибели. Расовая теория превращается у наиболее последовательных

нацистов в своеобразную «религию крови», стремясь приобрести вещественно-конкретный характер архаической религиозности. Достаточно вспомнить рассуждения на эту тему А. Розенберга в его знаменитой работе «Миф XX века» (1930). Вот как звучит одна из основных мыслей нацистского идеолога: «Раса — это подобие души, весь расовый материал — это ценность сама по себе... Расовая история является поэтому историей природы и мистикой души одновременно, а история религии крови — ... великое мировое повествование о подъеме и крушении народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников» (Розенберг 1998, 21).

Дело не ограничивалось только теорией. Мы имеем в виду не только беспощадное уничтожение представителей чуждых рас. В отношении самих арийцев, оказавшихся неудобными режиму, действовали санкции, которые могут быть интерпретированы как воскрешение архаических представлений о «нечистой» крови. Например, т. н. «Sippenhaft» — судебное преследование всех членов семьи за преступление, совершенное одним из ее членов. Уже на исходе войны (1944 год), когда сдача в плен приобрела массовый характер, все немецкие солдаты должны были подписывать обязательство, в котором они клялись не присоединяться к антифашистским организациям, под угрозой изгнания из народной общности и искоренения их рода (Берников и др. 1993, 484).

Еще более органично расизм оказался укоренен в рамках культуры англосаксонских стран. Здесь необходимо упомянуть нескольких авторов, выдвинувших в XIX веке физическое происхождение в качестве конституирующего принципа мировой истории. Речь идет о шотландце Р. Ноксе и двух американцах — И. Нотте и Дж. Р. Глиддоне. Перу Нокса принадлежала книга «Происхождение человека: Философское исследование влияния расы на судьбы народов» (1850), в которой он провозгласил, что раса — это «все в человеческой истории» (Stocking 1987, 64). Американские авторы написали текст «Типы человечества, или этнологические исследования, основанные на древних памятниках, картинах, скульптурах, черепах и расах» (1854). Особый упор авторы делали на теории полигенеза, которая считала представителей разных рас, произошедшими от разных предков. Соответственно, между представителями белой расы и неграми нет родства. В американских условиях данная теория служила теоретическим обоснованием рабства негров и истребления индейцев.

Заключение

Позднее англо-саксонский расизм старается выглядеть более респектабельно, он скорее принимает социально-культурный характер. Ярко выраженной вариант данной установки был положен в основу Фултонской речи У. Черчилля. Последняя, как известно, была произнесена 5 марта 1946 года и ей принято датировать начало «холодной войны». Главной установкой этой формы расизма в современном мире выступает стремление к изменению ментальности и социальных институтов тех народов, которые еще не приобщились к достижениям либерально-демократического строя, чьи англосаксонские корни очевидны. Можно сказать, что склонность англосаксов к либерально-демократическому устройству обнаруживается в «крови». Именно

на этом основании они считают себя вправе распоряжаться судьбами других народов, которых история обделила таким даром. Современная ситуация лишней раз подчеркивает соответствующие установки элит англо-саксонского мира, готовых воевать с Россией до «последнего украинца» («европейца» и т. д.), не жалея чужой «крови».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Арефьев, М. А., Давыденкова, А. Г., Кожурин, А. Я., Алябьева, С. В. (2018) *Курс лекций и методические указания для аспирантов по истории и философии науки*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 383 с.
- Бebel, А. (1959) *Женищина и социализм*. М.: Госполитиздат, 592 с.
- Берников, Н. Н., Всеволодов, В. А., Крупеников, А. А. (ред.). (1993) *За Германию — против Гитлера! документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров*. М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 512 с.
- Библия: *Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. (1992) М.: Изд-во Московской патриархии, 1372 с.
- Вернан, Ж.-П. (1988) *Происхождение древнегреческой мысли*. М.: Прогресс, 221 с.
- Гомер (2000) *Одиссея*. М.: Наука, 482 с.
- Де Местр, Ж. М. (1997) *Рассуждения о Франции*. М.: РОССПЭН, 216 с.
- Зеленин, Д. К. (1991) *Восточнославянская этнография*. М.: Наука, 511 с.
- Казанова, Д. (1990) *История моей жизни*. М.: Московский рабочий, 734 с.
- Кровь. (1987) В кн.: А. М. Прохоров (ред.). *Советский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 657.
- Кровь в верованиях и суевериях человечества*. (1995) СПб.: София, 480 с.
- Ницше, Ф. (1990) *Сочинения: В 2-х т. Т. 2*. М.: Мысль, 829 с.
- Розенберг, А. (1998) *Миф XX века: Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени*. Таллинн: Shildex, 528 с.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 448 с.
- Фуко, М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 480 с.
- Хейзинга, Й. (1988) *Осень средневековья*. М.: Наука, 540 с.
- Элиаде, М. (1998) *Религии Австралии*. СПб.: Университетская книга, 250 с.
- Stocking, G. W. Jr. (1987) *Victorian Anthropology*. New York: Free Press, 429 p.

References

- Aref'ev, M. A., Davydenkova, A. G., Kozhurin, A. Ya., Alyab'eva, S. V. (2018) *Kurs lektzij i metodicheskie ukazaniya dlya aspirantov po istorii i filosofii nauki [Course of lectures and methodological guidelines for graduate students on the history and philosophy of science]*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 383 p. (In Russian)
- Bebel, A. (1959) *Zhenshchina i sotsializm [Woman and socialism]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 592 p. (In Russian)
- Bernikov, N. N., Vsevolodov, V. A., Krupennikov, A. A. (eds.). (1993) *Za Germaniyu — protiv Gitlera! dokumenty i materialy o sozdanii i deyatel'nosti Natsional'nogo komiteta "Svobodnaya Germaniya" i Soyuza nemetskikh ofitserov [For Germany — against Hitler! Documents and materials on the creation and activities of the National Committee "Free Germany" and the Union of German Officers]*. (1993) Moscow: Memorial'nyj muzej nemetskikh antifashistov Publ., 512 p. (In Russian)

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments]*. (1992) Moscow: Moskovskaya patriarkhiya Publ., 1372 p. (In Russian)
- Casanova, G. (1990) *Istoriya moej zhizhi [The story of my life]*. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 734 p. (In Russian)
- De Maistre, J. M. (1997) *Rassuzhdeniya o Frantsii [Reflections on France]*. Moscow: ROSSPAN Publ., 216 p. (In Russian)
- Eliade, M. (1998) *Religii Avstralii [Religion of Australia]*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 250 p. (In Russian)
- Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]*. Moscow: Kastal' Publ., 448 p. (In Russian)
- Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tur'my [To supervise and punish. The birth of a prison]*. Moscow: Ad Marginem Publ., 480 p. (In Russian)
- Gomer (2000) *Odisseya [Odyssey]*. Moscow: Nauka Publ., 482 p. (In Russian)
- Huizinga, J. (1988) *Osen' srednevekov'ya [Autumn of the Middle Ages]*. Moscow: Nauka Publ., 540 p. (In Russian)
- Krov' [Blood]. (1987) In: A. M. Prokhorov (ed.). *Sovetskij entsiklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 657. (In Russian)
- Krov' v verovaniyakh i sueveriyakh chelovechestva [Blood in the beliefs and superstitions of mankind]*. (1995) Saint Petersburg: Sofia Publ., 480 p. (In Russian)
- Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya: V 2-kh t. T. 2 [Works: In 2 vols. Vol. 2]*. Moscow: Mysl' Publ., 829 p. (In Russian)
- Rosenberg, A. (1998) *Mif XX veka: Otsenka dukhovno-intellektual'noj bor'by figur nashogo vremeni [The myth of the XX century: An Assessment of the spiritual and intellectual struggle of figures of our time]*. Tallinn: Shildex Publ., 528 p. (In Russian)
- Stocking, G. W. Jr. (1987) *Victorian Anthropology*. New York: Free Press, 429 p. (In English)
- Vernant, J.-P. (1988) *Proiskhozhdenie drevnegrecheskoj mysli [The Origin of Ancient Greek thought]*. Moscow: Progress Publ., 221 p. (In Russian)
- Zelenin, D. K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., 511 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Антон Яковлевич Кожурин

SPIN-код: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Anton Ya. Kozhurin

SPIN: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia